

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111(73)

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОНЯТИЯ «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

З.И. ТРЕТЬЯК

(Полоцкий государственный университет)

Обозначаются некоторые проблемы, связанные с литературоведческим определением понятия «потерянное поколение», которое за годы существования вобрало в себя разнообразные характеристики. Зачастую в отечественных и зарубежных исследованиях произведения Дж. Дос Пассоса, Р. Олдингтона, Э.М. Ремарка, Ф.С. Фицджеральда, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя рассматриваются как некая общность. Единство действительно наблюдается в отношении к войне как трагедии для человека и цивилизации. Доказывается, что весь массив произведений, связанных с «потерянным поколением», при детальном рассмотрении распадается на ряд подгрупп. В данной работе делается попытка классифицировать подобные произведения писателей из Западной Европы и США.

Введение. Понятие «потерянное поколение» прочно вошло в литературоведческий обиход. Упомянутое впервые в романе Э. Хемингуэя «Фиеста» (*Fiesta*, 1926), оно получило множество трактовок как в зарубежной, советской, так и отечественной науке. Внимательное их изучение вызывает вопросы, так как один и тот же термин начинает использоваться для характеристики подобных (но не абсолютно идентичных) явлений. Не отрицая существование данного феномена, мы уточняем некоторые аспекты его бытования в современном литературоведении.

Основная часть. В историческом плане «потерянным поколением» традиционно считают «людей, прошедших через Первую мировую войну, духовно травмированных, разуверившихся в урапатриотических идеалах, некогда их увлекавших, подчас внутренне опустошенных или остро ощущающих свою неприкаянность и отчуждённость от общества» [1, с. 914]. Вслед за Б. Гиленсоном похожее определение понятию даёт и А. Старцев, относящий к «потерянным» «молодых фронтовиков, тяжело травмированных войной и не сумевших найти своё место в послевоенном мире» [2, с. 706]. Ключевым в данном случае становится фронтовой опыт, приобретённый на полях сражений в 1914 – 1918 годах. Именно он способствует окончательному развенчанию идеалов предшествующих эпох.

Сложности возникают с литературоведческим определением понятия. Г. Стайн, которую, по созданной Э. Хемингуэем легенде, следует считать автором данного словосочетания, к «потерянным» относит большинство молодых интеллектуально утончённых американских «литературных модернистов, которым не давало покоя чувство предательства и пустоты, принесённое военными разрушениями»¹ [3, р. 75]. (Здесь и далее при отсылке к английскому источнику перевод наш. – З. Т.). В том же русле рассуждения о данном поколении продолжил Дж. Олдридж. Согласно его наблюдениям, «потерянными» были молодые эстеты-выходцы из США, покинувшие страну и надоевшую им «американскую мечту», чтобы встретиться с миром приключений в Европе. Старый свет ассоциировался у них с Парижем, образительным искусством, музыкой и литературой. Неслучайно многие американцы-«потерянные» отправлялись защищать демократию не на прифронтовую полосу, а в город-мечту. Популярностью у добровольцев пользовался также и итальянский театр боевых действий. Общими для будущих деятелей культуры были «решение связать себя с трудностями и опасностью, принятое с безразличием спортсмена-охотника»² и желание познать «возбуждение смерти вопреки боли»³ [4, р. 4].

Особо следует остановиться на отношении Э. Хемингуэя к понятию, впервые упомянутому на страницах его книги. Несмотря на попытки некоторых литературоведов считать романы «Фиеста» и «Прощай, оружие!» (*Farewell to Arms*, 1929) учебниками по истории «потерянного поколения», сам прозаик в беседе с К. Бейкером в 1951 г. недвусмысленно заявляет: «Потерянного поколения не существует. Я думаю, что могут быть разбитые, возможно те, которые не оставили и следа. Однако, чёрт возьми, мы не потерянные, за исключением убитых, калек и людей официально признанных сумасшедшими. Мы

¹ Literary modernists haunted by a sense of betrayal and emptiness brought about by the war's destructiveness.

² They had made a sportsman's decision, committed themselves to hardship and danger with the recklessness of big-game hunters ...

³ ... they wanted to experience the excitement of death without the pain of it.

были по-настоящему надёжным поколением ...»⁴ [5, р. 80 – 81]. Рассуждая о своём первом романе, Э. Хемингуэй отмечал: «книга эта для меня была произведением о вечной земле, которая вызывает нежность и восхищение, а не о моём поколении»⁵ [6, с. 229]. Позже в автобиографическом произведении «Праздник, который всегда с тобой» (*Moveable Feast*, 1961) прозаик напишет: «... все поколения в какой-то степени потерянные, так было и так будет»⁶ [7, р. 23]. И затем добавит: «Но к чёрту её [Г. Стайн. – З. Т.] разговоры о потерянном поколении и все эти грязные, дешёвые ярлыки»⁷ [7, р. 23]. Складывается впечатление, что Э. Хемингуэй ставит понятие «потерянное поколение» в один ряд со словами «святой», «славный», «жертва» и «напрасно» (*words sacred, glorious, and sacrifice and the expression in vain*) [8, р. 169], осмеянными им в романе «Прощай, оружие!».

Советские литературоведы чаще всего под «потерянным поколением» понимали «группу зарубежных писателей, выступивших в 20-е годы XX века с серией книг, выражавших разочарование в капиталистической цивилизации, обострённое трагическим опытом 1-й мировой войны» [1, с. 914]. Опыт вооружённого конфликта зачастую абсолютизировался, хотя чувство недовольства цивилизацией, например, для американцев-эмигрантов – явление, связанное с довоенным существованием в рамках пуританского общества, руководимого «американской мечтой». Отвлечение к викторианскому строю в произведениях Р. Олдингтона – не только результат войны.

Интерпретация понятия была бы не полной без некоторых мистификаций (прежде всего касающихся биографий художников слова, претендующих на звание «потерянных»). Ярчайшим примером можно считать принятое в СССР жизнеописание Э. Хемингуэя. Американский прозаик представлялся как девятнадцатилетний раненый герой, вынесший с поля боя товарища. В качестве примера приведём прозаический, полный пафоса пассаж из книги Б. Грибанова «Хемингуэй»: «Это случилось 8 июля 1918 года, за две недели до его девятнадцатилетия. Хемингуэй добрался в темноте до передовой. Ночь была тихая.

Раздав шоколад, Хемингуэй взял у одного из итальянских солдат винтовку и выстрелил в сторону австрийских окопов. Этот одиночный выстрел расстроил австрийцев, и они открыли ответный огонь. И тут Хемингуэй увидел при очередной вспышке, как приподнялся и упал, скорчившись, итальянский снайпер, притаившись на ничьей земле ...

Хемингуэй вскочил, чтобы броситься ему на помощь, но в этот момент в окоп попала австрийская мина. Солдат, оказавшийся рядом, был убит. Другому оторвало обе ноги.

Тряхнув головой, чтобы прийти в себя после взрыва, Хемингуэй пополз в темноту. Австрийцы заметили его и открыли шквальный огонь. Хемингуэй продолжал ползти на животе, временами поднимаясь для броска вперёд и вновь падая в грязь.

В 150 ярдах от австрийских окопов он нашёл, наконец, раненого снайпера. Тот был без сознания, но ещё жив. Хемингуэй взвалил его себе на спину и пустился ползком в обратный путь ...

Вдруг небо расколосось ослепительным светом и громом, и земля ... вздыбилась к небу. Это австрийцы пустили в ход новый мощный крупнокалиберный миномёт – огромная мина взорвалась рядом с ним...

Хемингуэй почувствовал, что ему пришёл конец» [9, с. 42 – 43].

Б. Грибанов, с одной стороны, успешно иллюстрирует идею об Э. Хемингуэе как «человеке действия». Это вписывается в миф о бесстрашии и мужественном стоицизме, культивируемый американским писателем по отношению к себе. С другой, такое колоритное приукрашивание событий войны напоминает о традиционных литературных произведениях XIX века, которые вызвали у американского прозаика противоречивые чувства. Тем более что его творчество основывается на их переосмыслении, пародировании, а иногда и отрицании. Следует отметить, что в российской филологической культуре подход к описанию жизни и творчества американского прозаика изменился коренным образом. Примером этому могут служить работы М. Черганова [10] и Г. Чхартишвили [11].

Продолжая размышления о проблемах изучения «потерянности» как литературоведческого понятия, можно отметить, что к нему относятся произведения различных писателей. Так, А. Мулярчик предлагает в данном контексте рассматривать романы Дж. Дос Пассоса «Три солдата» (*Three Soldiers*, 1921), Э.Э. Каммингса «Огромная камера» (*Enormous Room*, 1922), У. Фолкнера «Солдатская награда» (*Soldiers' Pay*, 1926), О. Хаксли «Жёлтый Кром» (*Crome Yellow*, 1921), Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (*The Great Gatsby*, 1925), Э. Хемингуэя «И восходит солнце» (1926). Апогеем развития литературы «потерянного поколения», по его мнению, явился 1929 г., когда свет увидели произведения Р. Олдингтона «Смерть героя» (*The Death of a Hero*, 1929), Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» (*Im Westen nichts Neues*, 1929) и Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» [12].

⁴ There was no such thing as a lost generation. I thought beat-up, maybe, [deleted] in many ways. But damned if we were lost except deads, gueules cassées, and certified crazies. ... We were a very solid generation ...

⁵ the book to me was that the earth abideth forever – having a great deal of fondness and admiration for the earth and not a hell of a lot for my generation.

⁶ ... all generations were lost by something and always had been and always would be ...

⁷ But the hell with her lost-generation talk and all the dirty labels.

Упомянув 1928 – 1930-е годы, зарубежные литературоведы предпочитают говорить о «военном буме» (*war boom*) [13, p. 59] в мировом искусстве слова. Они не ограничиваются рассмотрением классических произведений о мировой войне, пытаются ввести в научный обиход забытые произведения: «Конец парада» (*Parade's End*, 1924 – 1928) Ф.М. Форда, «Полутоны войны» (*Undertones of War*, 1928) Э. Бландена, «Большая камера» Э.Э. Камингса, «Прощай всё это» (*Farewell to All That*, 1929) Р. Грейвза и т.д.

Говоря об американских писателях, следует упомянуть размышления А. Зверева, представленные в книге «Американский роман 20 – 30-х годов»: «То, что казалось литературным единством, на самом деле было только объективным совпадением пройденных в юности дорог и естественным сходством реакций на такой опыт – в этом смысле американский роман очень близок европейскому, от Барбюса до Ремарка. Но была ещё и общность умонастроений. И здесь американская специфика сказывается куда ощутимее. Войну воспринимали в неизбежном соотношении с “мечтой” ...» [14, с. 28]. Из приведённой выше цитаты видно, что в 1980-е годы в советском литературоведении возникает мысль о разноплановости творчества художников слова, условно объединённых понятием «потерянное поколение».

Обобщая опыт предшественников, мы классифицируем разнообразные проявления «потерянности» в произведениях американских и западноевропейских авторов первой трети XX столетия. Основываясь на наличии военного опыта у самих художников слова, интенсивности изображения фронтовой действительности в литературном произведении и степени её влияния на формирование ощущения разочарования в бытии цивилизации, мы выделяем следующие группы книг: во-первых, романы Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», «Возвращение» (*Der Weg zurück*, 1931) и «Три товарища» (*Drei Kameraden*, 1936), Р. Олдингтона «Смерть героя» (основаны на непосредственном военном опыте прозаиков). Согласно Е. Леоновой, судьбы персонажей подобных произведений выглядели следующим образом: «Жестоко обманутые фальшивыми лозунгами ... молодые люди, оказавшись в военной мясорубке, быстро начинали трезветь, ощущать себя жертвами чудовищной игры, затеянной сильными мира сего. ... чувства потерянности, обманутости были ... порождены самим характером войны – преимущественно позиционным, ... когда солдатам приходилось в течение недель и месяцев оставаться в опустылевших окопах и гибнуть не только от пуль и снарядов, но и от мучительных болезней. Самое же главное – подавляло отсутствие нравственно оправданных целей войны» [15, с. 172].

На наш взгляд, зарождающееся чувство разочарования в благопристойной цивилизации характерно для довоенного бытия Пауля Боймера, Джорджа Уинтерборна и подобных им персонажей. Война только ускоряет процесс развенчания идеалов. Описание фронтовой жизни протагонистов (посредством шокирующих натуралистических деталей) выделяет эти романы на фоне других произведений. Характерным становится изображение товарищества, основанного на общности травмирующего психику опыта. Естественным завершением жизни для таких персонажей, по мнению Э.М. Ремарка и Р. Олдингтона, могло стать самоубийство либо одинокое существование;

Во-вторых, произведения американских «литераторов из медицинских войск» (*medical corps literati*) [16, p. 19]: романы Э.Э. Каммингса «Большая камера», Дж. Дос Пассоса «Инициация одного молодого человека – 1917» (*One Man's Initiation – 1917*, 1920), Э. Хемингуэя «Фиеста», «Прощай, оружие». Личный опыт прозаиков в меньшей степени связан с фронтовой реальностью, поэтому чувство «потерянности» не всегда напрямую связано с разрушительным воздействием позиционной войны. Писатели подчёркивают, что их персонажи направляются в Европу, чтобы сбежать от засилия подавляющей их «американской мечты». Война за свободу и демократию во всём мире – это повод направиться на поиски приключений и воочию увидеть Старый Свет как центр искусства. На деле оказывается, что чужая война может больно опалить персонажа-американца.

Писатели из США избегают изображения батальных сцен, их реже волнует чувство разочарования в жизни, родившееся в окопе. Особое внимание уделяется ощущению «потерянности», вызванному подавлением личных свобод героя сначала военной подготовкой на родине, а затем действиями командования (необязательно на фронте). Для действующих лиц, выросших в атмосфере ярко выраженного индивидуализма, столкновение с милитаристской машиной (муштрой, военной цензурой, трибуналом, тюрьмой) приводит к ощущению заброшенности в жестокий абсурдный мир.

Писатели, относящиеся к данной группе, утверждают, что пребывание в Европе может вести их персонажей к различным результатам: самоубийству, «сепаратному миру», познанию действительности в огромной тюремной камере, где, подобно древнему Вавилону, смешались различные народы и языки. В двух последних случаях перед героями появляются новые возможности для самопознания и осмысления происходящего как с ними, так и со всей цивилизацией. Это позволяет им открыть одну истину: главным для них в послевоенной жизни должно стать творчество. Для Пауля Боймера и Джорджа Уинтерборна, познакомившихся и познавших мир прекрасного до войны, путь к литературе и изобразительному искусству закрыт (они утратили значимость, заслонённые ужасами войны, которые обесценили любую созидательную деятельность, притупили остроту восприятия, практически разрушили их индивидуальность). Для персонажей Э. Хемингуэя и Э.Э. Камингса война – неоценимый опыт, который учит их

ценить простые радости жизни (пребывание на природе, общение, кратковременное наслаждение, приносимое им алкогольным опьянением и т.д.).

Книги Э.М. Ремарка и Э. Хемингуэя роднит мотив любви, обречённой на страдания и смерть. Внешне может показаться, что чувства персонажей американского и немецкого прозаиков схожи. Однако, мы выделяем целый ряд различий. Во-первых, герои-солдаты Э.М. Ремарка («На Западном фронте без перемен») ищут в домах терпимости неподалёку от линии фронта даже не любовь и обожание, а просто человеческое сочувствие и теплоту таких же страдальцев, как и они сами. В случае с героями Э. Хемингуэя, в особенности с Фредериком Генри, они (из-за привилегированного статуса лейтенанта-иностранца) быстро пресыщаются доступностью псевдолюбви в борделе и начинают искать некие иные чувства, чтобы развлечься. Любовь (как и война) поначалу воспринимается как авантюра, которая впоследствии оказывается настоящей трагедией. Во-вторых, если говорить о романе Э.М. Ремарка «Три товарища», то главная героиня произведения воспринимается как бессмысленная жертва войны, которая обречена на смерть судьбой. В отличие от персонажа немецкого прозаика, Бретт Эшли воспринимается как настоящий ветеран войны, который сам ищет погибели в алкоголе, любви, приключениях. Авторские концепции сходятся, когда речь заходит об обречённости любви в современном им мире.

Следует отметить, что в первых двух случаях понятие «потерянное поколение» может употребляться и в историческом, и в литературоведческом смыслах: сами прозаики пережили разрушительное воздействие войны и позже запечатлели его в форме литературно-художественных произведений. Далее нами будут рассмотрены романы авторов, которые по разным причинам не видели войны, а идеи «потерянности» усваивали либо из непосредственного общения с людьми, познавшими войну, либо из популярных книг по истории, научных трактатов, литературного, эпистолярного, мемуарного наследия участников войны и т.д.

Ближе всего к литературе собственно «потерянного поколения» стоят книги писателей-американцев, которые не принимали участия в боевых действиях в Европе, однако сумели изобразить изменения в сознании персонажа-фронтовика либо мировосприятии американского общества (романы «По эту сторону рая» Ф.С. Фицджеральда, «Солдатская награда» У. Фолкнера). В данного рода литературно-художественных произведениях боевые действия 1914 – 1918 годов выступают фоном-катализатором, который ускоряет процесс разочарования действующих лиц в «американской мечте».

Спецификой данных произведений является изображение американской молодёжи, родившейся в 1900-е годы. Даже не побывав на войне «где-то там», целое поколение ощутило себя «потерянным» для ценностей своих отцов. Атмосфера «ревущих двадцатых», в которой они живут, напоминает ауру прифронтового города, где каждый берёт от жизни всё что может, ведь завтра может и не наступить. Как и многие по-настоящему травмированные персонажи-фронтовики (например, леди Брет, Майк Кемпбелл из романа Э. Хемингуэя «Фиеста»), эти действующие лица ищут забытья в алкогольных напитках, эпатажных поступках, свободной любви. Существует только одно различие: указанные выше хемингуэевские герои видели разрушения и смерть на первой для человеческой цивилизации тотальной войне, а гости фицджеральдовского Джэя Гэтсби разочаровались в американском идеализме, пуританизме, мессианском предназначении американца как лица, которое продвигает миф о равных возможностях, благосостоянии.

Как подчёркивали У. Фолкнер и Ф.С. Фицджеральд, «потерянность» не всегда являлась настоящим чувством, владевшим персонажами. Целый ряд второстепенных действующих лиц изображены как люди, слепо следующие новой моде на стоицизм, поиски острых ощущений, эпатаж. То, что выстрадано молодыми интеллектуалами, принципиально чуждо им. Любая мысль о по-настоящему радикальном преобразовании американского общества и отказе от «мечты» вызывает у них неподдельный ужас.

В особую группу мы выделяем работы западноевропейских художников слова, которые сосредоточиваются не на процессе зарождения «потерянного поколения», а на его послевоенном существовании. Например, романы «Миссис Дэллоуэй» (*Mrs. Dalloway*, 1925) В. Вулф и «Любовник леди Чаттерлей» (*Lady Chatterley's Lover*, 1928) Д.Г. Лоуренса – это произведения, в которых война – элемент целого комплекса проблем, определивших характер эпохи рубежа веков. Физическая или психическая травма (как и их сочетание) становится символом «потерянности» для будущего. Любого рода патология в таких произведениях – экстремальное проявление духовного кризиса, который совпал с Первой мировой войной. Как и Ф.С. Фицджеральд и У. Фолкнер, данные прозаики подчёркивают, что настроение «потерянности» – черта времени, возникающая не только при условии участия в Первой мировой войне на поле боя.

Кроме того, важно отметить литературно-художественные произведения, в которых «потерянное поколение» рассматривается на большом историческом расстоянии (трилогия «Возрождение» (*Regeneration*, 1991 – 1995) П. Бэйкер, «Странная встреча» (*Strange Meeting*, 1971) С. Хилл). В основном писатели данной группы стремятся к тщательной реконструкции событий войны, обращаются к биографиям и творческому наследию конкретных исторических лиц (например, английского поэта и прозаика З. Сэссуну). Судьба «потерянного поколения», пострадавшего от разрушительного воздействия Первой мировой войны, начинает восприниматься как миф, который символизирует бытие человека в XX веке.

Выводы. Опираясь на изложенный выше материал, можно сказать, что литературоведческое понятие «потерянное поколение» до сих пор является объектом пристального внимания учёных. Всё чаще данное формальное единство подвергается компаративному анализу. В результате становится очевидным, что произведения данного направления подразделяются на различные группы. Мы предлагаем рассматривать несколько вариаций литературы «потерянного поколения». В чистом виде идеи «потерянности» представлены в романах Р. Олдингтона и Э.М. Ремарка. Особую модификацию представляют книги американских «литераторов из медицинских войск»: Э.Э. Каммингса, Дж. Дос Пассоса, Э. Хемингуэя. В отдельную группу нами выделены произведения Ф.С. Фицджеральда и У. Фолкнера, в которых «потерянность» рассматривается в контексте разочарования в «американской мечте». Особое внимание В. Вулф и Д.Г. Лоуренс обращают на психические отклонения, вызванные Первой мировой войной. Книги П. Бейкер и С. Хилл подтверждают актуальность проблем, поднятых «потерянным поколением» в 1920-е годы. Таким образом, подтверждается разноплановость литературно-художественных произведений на данную тематику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиленсон, Б. «Потерянное поколение» / Б. Гиленсон // Краткая литературная энциклопедия: в 8 т. / редкол.: А. Сурков [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1968. – Т. 5. – С. 914 – 915.
2. Старцев, А. Молодой Хемингуэй и «потерянное поколение» / А. Старцев // Хемингуэй Э. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Художественная литература, 1968. – Т. 1. – С. 705 – 716.
3. O'Brian, S.M. 'A, Also, Am in Michigan': Pastoralism of Mind in Hemingway's 'Big Two-Hearted River' / S.M. O'Brian // *The Hemingway Review*. – 2009. – Vol. 28, № 2. – P. 66 – 86.
4. Aldridge, J. *After the Lost Generation: a Critical Study of the Writers of Two Wars* / J. Aldridge. – Princeton, 1958. – 265 p.
5. Baker, C. *Hemingway. The Writer as Artist* / C. Baker. – Princeton: Princeton University Press, 1956. – 355 p.
6. Ernest Hemingway. *Selected Letters. 1917 – 1961* / ed. by C. Baker. – The Ernest Hemingway Foundation, 1981. – P. 9 – 20.
7. Hemingway, E. *A Moveable Feast* / E. Hemingway. – New York: Dell Publishing Company, 1971. – 128 p.
8. Hemingway, E. *Farewell to Arms* / E. Hemingway. – СПб.: Каро, 2004. – 413 p.
9. Грибанов, Б. Эрнест Хемингуэй / Б. Грибанов. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 448 с.
10. Чертанов, М. Хемингуэй / М. Чертанов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 576 с.
11. Чхартишвили, Г. Эдипов комплекс в истории суицидентов Х. и Г. Опыт патологоанатомического психоанализа / Г. Чхартишвили // *Писатель и самоубийство: в 2 кн.* – Кн. 1. – М.: Захаров, 2011. – С. 173 – 191.
12. Мулярчик, А. Потерянное поколение / А. Мулярчик // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / гл. ред. А. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 772 – 773.
13. Eksteins, M. *Memory* / M. Eksteins // *Erich Maria Remarque's All Quiet on the Western Front. Bloom's Modern Critical Interpretations. New Edition* / ed. by H. Bloom. – Infobase Publishing, 2009. – P. 57 – 79.
14. Зверев, А. Американский роман 20–30-х годов. – М.: Художественная литература, 1982. – 256 с.
15. Леонова, Е. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия: учебное пособие / Е. Леонова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 360 с.
16. Piep, K.H. *Embattered Homefronts: Politics and Representation in American World War I Novels* / K.H. Piep // *A Dissertation Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy.* – Department of English, Miami University, Oxford, Ohio, 2005. – 282 p.

Поступила 25.05.2013

THE PERSPECTIVES OF 'LOST GENERATION' TERM LITERARY STUDIES ANALYSIS

Z. TRATSIAK

The study of West European and American literary process of the 1920 – 1930s is impossible without dealing with the works devoted to the First World War events. Traditionally foreign, Russian and native scientists analyse the books written by the lost generation representatives. There are some problems with the literary studies definition of this term which has developed several characteristics. Quite often Jh. Dos Passos', R. Aldington's, E.M. Remarque's, F.S. Fitzgerald's, W. Faulkner's and E. Hemingway's works are treated as a special unity. It is necessary to say that in case of thorough study the number of works connected with the lost generation can be divided into several subgroups. This article can be treated as an attempt to classify these works by West European and American authors.